

КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ КРАСУХИН

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник  
Отдела теоретического языкознания  
Институт языкознания Российской академии наук  
профессор кафедры общего и сравнительно-исторического  
языкознания  
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
(Москва, Российская Федерация)  
ORCID 0009-0008-1955-4712; krasukh@mail.ru

ЗАМЕТКИ О СЕМАНТИКЕ ОСНОВ ПРЕЗЕНСА И АОРИСТА В «РИГВЕДЕ»

**А н н о т а ц и я .** Рассматривается система аспектов и времен в «Ригведе», в частности основы презенса (имперфекты и презентные инъюнктивы) и аориста. Определение их значения – сложная задача: представление о завершённом-незавершённом не всегда помогает понять оппозицию аориста и имперфекта, нередко имперфект обозначает завершённые события. В статье предлагается использование понятия Г. Райхенбаха «точка референции». Аорист отличается от других времен выраженностью этой точки. В целом ведический глагол запечатлел стадию трансформации аспектуальной системы в темпоральную: имперфект обозначает события далекого мифологического прошлого (которые могут быть и завершены), аорист – недавние события или предшествование. Ведический глагол, таким образом, напоминает видовременную форму европейских языков в описании Г. Вайнриха: здесь противопоставлены времена переднего (франц. *passé simple*) и заднего плана (франц. *imparfait*). Их сопоставление помогает понять развитие категорий аспекта и времени в языках мира.

**К л ю ч е в ы е с л о в а :** морфология, глагол, аспект, время, Ригведа

**Д л я ц и т и р о в а н и я :** Красухин К. Г. Заметки о семантике основ презенса и аориста в «Ригведе» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1129

В древнеиндийском языке существует весьма разветвленная, морфологически сложная система времен: презенс, имперфект, аорист, перфект, плюсквамперфект, футурум, кондиционалис. Известно десять классов презенса, семь – аориста. Морфология временных основ рассмотрена весьма подробно [1], [6], [12]. Однако противопоставление различных времен с точки зрения их функции остается во многом неясным. В частности, трудно охарактеризовать разницу между имперфектом и аористом, а также презентным и аористным инъюнктивом<sup>1</sup>.

По мнению Б. Дельбрюка, имперфект обозначал мифологические события, свершившиеся давно, а аорист – события, актуальные для настоящего<sup>2</sup>. Отдаленный имперфект можно видеть, к примеру, в таком контексте:

(1) *indrasya dūtīr iṣitā carāmi mahā ichāntī paṇayo nidhīn vaḥ*  
*atiskādo bhīyāsā tān na āvat tātha rasāyā ataram pāyamsi* (RV<sup>3</sup> X 108:2)

‘Иду я, как посланница Индры, ищущая ваши великие сокровища, о Пани<sup>4</sup>. Из страха, что ее перепрыгнут, помогла она (Раса) нам в этом, так перешла я потоки молока’.

В следующем контексте событие связано с настоящим временем:

(2) *nā vārtave prasavāḥ sārgaktaḥ kimyūr vipro nadyō johaviti* (RV III 33:4)

‘Не повернуть поток, стремящийся со струей! Что, желая, зовет реки жрец?’.

Ответ на этот вопрос в:

(2a) *avasyūr ahve kuśikāsyā sūnūḥ* (RV III 33:5)

‘Помощи желая, воззвал я, сын Кушики’.

В данном случае глагольная форма указывает на непосредственное предшествование действия моменту речи. Это и выражает аорист. Поэтому многие ученые описывают систему времен в ведическом санскрите с помощью определений Г. Райхенбаха [13]. Любое событие представляет три базовые точки: E – event, время самого события, S – speech, момент речи, R – reference, точка референции, по отношению к которой определяется и время события. Время этих точек обозначается как  $t_E$ ,  $t_S$ ,  $t_R$ . Введение понятия «точка референции» помогает прояснить особенности ряда времен. Например, плюсквамперфект в европейских языках можно представить так:  $t_S \rightarrow t_R \rightarrow t_E$ : событие в прошедшем времени,

раньше которого происходит обозначенное плюсквамперфектом событие, и является точкой референции. Английский Past может быть определен как  $t_S \rightarrow t_R, t_E$ , а Perfect –  $t_S, t_R \rightarrow t_E$  [13: 10–11].

Нередко формы имперфекта и аориста, а также презентного и аористного инъюнктива встречаются в одном гимне. Для того чтобы определить разницу между ними, приходится обращаться к контексту *en masse*. Не всегда ведические гимны представляют связные, последовательные рассказы; порой они делятся на фрагменты, повествующие о разных деяниях и свойствах божества – героя гимна. Но иногда последовательное повествование в них позволяет уточнить значение глагольных времен. Заслуживает внимания следующий гимн:

(3) *kīm ād utāsi vṛtrahan māghavan manyumáttamah átrāha dānum ātirah* (RV VI 30:7)

‘Самый ли ты гневный, о великодушный убийца Вритры? Тогда ты разгромил Дану’ (имперфект)

(3a) *etād ghéd utā vīriyam indra cakartha paumsīyam striyam durhañyivam vādhr̥ duhitāram divah* (RV IV 30:8)

‘Итак, ты подвиг совершил героический (перфект), когда женщину разгневанную, дочь неба, убил (аорист инъюнктива)’.

После этого следует ряд пад с глаголами в инъюнктиве:

(3b) *divás cid ghā duhitāram mahān mahiyámānām uśāsam indra sám piṇak* (RV IV 30:9)

‘Ушас, дочь неба, великие дела творящую, ты, Индра, поразил’

(Грассман считает, что *piṇak* – 2 л. конъюнктива; К. Хофман [7: 184] рассматривает эту форму как инъюнктив).

(3c) *āpoṣā ānasah sarat sámpīṣtād āha vipāsi ā ní yát sīm śiśnáthad víṣā* (Ibid. 10)

‘Ушас отбежала в страхе от пестрой повозки, когда ее поразил бык’

(презент инъюнктива).

(3d) *etād asyā ānah śaye súsampīṣtam vipāsi ā sasāra sīm parāvatah* (Ibid. 11)

‘Эта повозка лежит, совсем разбитая в Випаце. Та убежала вдале’.

В следующих падах также присутствуют формы инъюнктива: *pari sthāh* (аорист, 12) ‘ты остановил’, *prá mr̥kṣo* (аорист, 13) ‘ты разорвал’, *saṁpiṇak* (презент, 13) ‘ты сломал’, *vadhīh* (аорист, 18) ‘ты разбил’, *nayaḥ* (презент, 19) ‘ты вел’, Кроме того, Хофман полагает, что инъюнктивы присутствуют в стихе 13 (*vadhīh* ‘ты разбил’ вместо *avadhīh*, аорист), 16 (*bhajat* ‘одарил’ вместо *abhajat*, имперфект). Очевидные имперфекты присутствуют в стихах 14 (*avāhan* ‘сбросил’), 17 (*apārayat* ‘направил, кинул’), 20 (*vy āsyat* ‘бросил’), 21 (*āsvāpayat* ‘усыпил’).

Таким образом, очевидно завершенные действия выражены и имперфектом, и аористом,

и презентным инъюнктивом, и перфектом. По мнению К. Хофмана [7: 184], формы презенса инъюнктива эксплицируют события, обозначенные аористом инъюнктива. Это в общем справедливо. Через год после выхода книги Хофмана П. Кипарский предложил термин «редукция сочинительной связи» (*conjunction reduction* [9]): неопределенное время и наклонение присоединяется к определенному, которое указывает на временную локализацию не только своей глагольной формы, но и последующих. Таково, к примеру, происхождение настоящего исторического времени. Инъюнктив как форма, не имеющая временных показателей, приобретает то же значение, что и прошедшее время, присутствующее в контексте. Далее Хофман замечает, что глаголы в ст. 12–21 повествуют о подвигах Индры, в отличие от ст. 8–11, где живописались мифологические сцены. В первом случае, по мнению исследователя, указание на прошлое не обязательно. Но в цитированных контекстах имперфекты с аугментом вполне равнозначны инъюнктивам презенса: трудно найти различие во времени у форм *nayaḥ* и *āsvāpayat*. Речь скорее должна идти об исчезновении специального значения инъюнктива<sup>5</sup>, слиянии его с претеритом. Однако остается вопрос о причинах выбора презентной или аористной формы.

Если внимательно присмотреться к аористам в цитированном гимне, то можно увидеть, что они обозначают события, подразумевающие резкое изменение положения вещей: «прекратил», «убил». Иными словами, аорист выражает то, что можно назвать моментом фазового перехода или, по Ю. С. Степанову [4], «критической точкой»: прекращение прежнего положения дел, наступление нового.

Иногда аорист обозначает завершенное действие, имперфект не имеет подобного значения.

(4) *pātāti didyún naryasya bāhvór mā te máno viṣvadriag vi cārūt* (RV VII 25:1)

‘да полетит блистающая из рук могучего (Индры), да не уйдет прочь разносторонняя мудрость’.

(5) *ā yāh sómena jaṭhāram āpiparta āmandata maghāvā mādho āndhasaḥ*

*yād im mr̥gāya hantāve mahāvadhah sahasrabhr̥ṣtim uśānā vadhām yāmat* (RV V 34:2)

‘Кто наполнял (импф.) чрево Сомой, наслаждался (импф.) хмелем травы, когда имеющий много оружия дал (аор.) ему молнию тысячелезвийную для убийства дьявольских зверей’.

Аорист может обозначать и повторяющееся, регулярное действие: *āsthād devāḥ práti dośám* (RV I 35:10) ‘бог вставал ежевечерне’.

(6) *asyā vo hí ávasā pānto dakṣasā dhanam*

*yāh sūrīṣu śrávo br̥hād dr̥hād dadhé sívar ná haryatāḥ || sá vam yajneṣu mānavī índur janiṣta rodasi devó devī giriṣthā āsredhan tám tuviṣváni* (RV IX 98:8–9)

‘И затем своей милостью вам, пьющие, могучую силу (дает), жертвователям великую славу устанавливает, словно золотое солнце. Та капля (Сомы) для вас, о оба мира, родилась (= рождается) в жертвоприношениях, о пространства, о боги, о богини, о жители гор, того безошибочного (славлю) я, с могучим звуком’.

В данном случае аорист оказался однороден презенсу *dadhe*, тоже выражающему повторяющееся действие. Но следует подчеркнуть, что презенс выражает длительно действующее действие, а аорист – событие, завершённое в типичной ситуации. Параллель этому находится в древнегреческом, где известен аорист типичной ситуации:

(7) ὅπποτ' ἀνὴρ ἐθέλη, πρὸς δαίμονα φωτὶ μάχεσθαι, τάχα δ' οἱ μέγα πῆμα κυλίσθη (II. XVI:98)

‘если человек пожелает, будучи смертным, сражаться с божеством, быстро на него обрушивается (обрушилось) великое несчастье’.

Типичное обстоятельство предстает как завершённое событие.

Одним из средств выражения точки референции является наречие *divé-dive* ‘постоянно’. Оно указывает на типичное, повторяемое действие и употребляется, как правило, вместе с презенсом:

(8) *tuvám tám agne amṛtatvá martan uttamé dadhāsi śrávase divé-dive* (RV I 31:7)

‘Так ты этого смертного, Агни в высшем бессмертии к славе направляешь’.

Такой презенс может противостоять аористу:

(9) *ná ní miṣati surāno divé-dive yád ásurasya jaṭhárād ájāyata* (RV III 29:14)

‘радостный не смыкает глаз день за днем, когда родился из чрева Асуры’.

Аорист здесь обозначает момент фазового перехода.

Возможно сочетание наречия и с имперфектом:

(10) *agnínā rayím áśnavat póṣam evá divé-dive yaśásam vírāvattamam* (RV I 1:3)

‘Он достигал с помощью Агни день за днем богатства, процветания блестящего, самого могучего’.

В данном случае типичная ситуация отнесена к прошлому. Имперфект выражает стабильное действие.

Однако встретилось сочетание данного наречия и с аористом (в инъюнктиве):

(11) *divé-dive sūriyo dárśato bhūd ví sádmāni urviyá sukṛátur dhāt* (RV VI 30:2)

‘День за днем солнце видным стало. Добродетельный широко распространил свое жилище’.

Аорист, как и в приведенных выше примерах, указывает на момент достижения нового состояния. Более того, возможно, завершение длительного действия – его основное значение.

И в этой функции ведический аорист может быть сопоставлен с гомеровским:

(12) Ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν (Od. I:1–2)

‘О муже скажи, о Муза, многоумелом, который много пространствовал после того, как разрушил могучую крепость Трои’.

Аорист *πλάγχθη* указывает на завершение длительного действия.

Приведем еще несколько аористов с данным наречием.

(13) *carṣaṇīdhṛītam maghāvānam ukhtīyam índram giro br̥hatīr abhi ānuṣata*

*vāvr̥dhānám puruhūtám svvr̥ktibhir amartyaṃ járamāṇaṃ divé-dive* (RV III 51:1)

‘О правящем народами, щедром, заслуживающем хвалы Индре хвалебные гимны возгласили, о возвеличенном, много хвалимом, бессмертном, воспеваемом день за днем добрыми песнями’.

(14) *vāmám adyá savita vāmám u śvó divé-dive vāmám asmābhya' sāvīḥ*

*vāmāsya hi kṣáyasya deva bhūr̥er ayá dhiyá vāmabhá jaḥ siyāma* (RV VI 71:6)

‘Добро, о Савитар, сегодня и завтра добро укажи, день за днем ты нам добро (со)творил, да будем мы благодаря этой песне участниками добра’.

Здесь аорист также имеет значение завершённого периода; он противопоставит оптативу, выражающему намерение.

В этом гимне встречаются аористы и без наречия:

(15) *savitā hiranyáyā bāhú ayamsta* (1)

‘Савитар золотую руку простер’.

(16) *deváh savitā... pratidoṣám asthāt* (4)

‘Бог Савитар вечером поднялся’.

(17) *divó róhaṃsi aruhat pṛthivyá ariramat patáyat kác cid ábhvam* (5)

‘В высоты небес устремился, умирил на земле летающий ужас’.

Они указывают на завершение события.

Наречие *divé-dive* может встречаться и вместе с перфектом:

(18) *távāhám soma rāraṇa sakhyá indo divé-dive | purūṇi babhro ní caranti mām áva paridhīm̃r áti tám̃ ihi* (RV IX 107:19)

‘Тебе я, о Сома, день за днем в дружбе поклонялся. Многие злые духи преследуют меня, о багровый (Сома). Пройди через эти препоны!’.

Особая функция аориста – обозначение предшествования, причем событие, которому предшествует аорист, выражается различными временами:

(19) *sūraś cid á haríto asyo rīramad índrād á kás cid bhayate táviyasah |*

*bhī́masya vṛ́ṣṇo jaṭhárād abhiśvaso divé-dive sahuri stann ábādhita* (RV X 92:8)

‘Солнце золотых (коней) успокоило; всякий Индру мощнейшего боится, чрево грозного быка, которое может зареветь. День за днем победоносный рычал, несокрушимый’.

(20) *gām aṅgaiśā ā hvayati dārv aṅgaiśo āpāvadhītvāsann aranyanam sayām ākruṣad iti manyate* (RV X 146:4)

‘Тот именно зовет корову, кто дерево срубил. Вечером в лесу находящийся думает, что уже позвали на помощь’.

Аорист *āpāvadhītvā* указывает на предшествование презенсу *hvayati*, *ākruṣat* – дискурсивному *manyate*.

(21) *namasyānto divā a prṣṭham asthuh pári dyavaprṥthivi yanti sadyás* (3)

‘Прославляющие подошли к вершине неба и идут по небу и земле вместе с солнцем’.

Здесь событие, которому предшествует аорист, отнесено к настоящему. Однако возможно предшествование и в претерите:

(22) *viśve devāso amadann any tva... || śuśnam píprum kūyavaṃ vrtrám indra yadāvdhīr ví pūrah śambharasya* (RV I 103:7–8)

‘все боги восхитились тобой, о Индра, когда ты разбил Щушну, Пипру, Куяву и Вритру, крепости Щамбары’.

Аорист *avadhīs* ‘ты разбил’ выражает событие, более раннее по отношению к *amadann* ‘они восхитились’.

Аорист может обозначать и констатацию факта [10]:

(23) *satrābhavo vásupatir vásūnām dátre vísvā adhithā krṣṭih* (RV IV 17:6)

‘ты стал (импф.) верховным владыкой добра, всем народам установил (аор.) их долю’.

(24) *nī āvidhyad ilībísasya dr̥hā ví śrngīnam abhinac chūsnam indrah |*

...*vājrena śátrum avadhīh pr̥tanyúm* (RV I 33:12)

‘Индра, разгромил укрепления Илибисы, Щушну рассек, молнией врага ты сразил, о Индра’.

В данном случае оппозиция имперфекта *abhinac* и аориста *avadhīh* нейтрализуется.

Эйштейн Даль [5] так описывает систему времен в ведическом с использованием модели Райхенбаха: у несовершенного прошедшего момент события входит во время референции ( $t_R \subseteq t_E$ ), у перфективного – наоборот ( $t_R \supseteq t_E$ ), у нейтрального они идентичны ( $t_R \otimes t_E$ ), у исторического настоящего точка референции предшествует времени события. Развитие идей Даля см. в [8].

Имперфект указывает на вхождение времени референции во время события ( $t_R \subseteq t_E$ ). Аорист – на вхождение времени события в референциальное время ( $t_R \supseteq t_E$ ).

Имеется однако немало контекстов, в которых аспектуальная оппозиция между аористом и им-

перфектом нейтрализована, а разница точек референции не наглядна в тексте.

Имперфект может выражать завершенное действие:

(25) *prá vákṣāna abhinat párvatānām* (RV I 32:1)

‘он рассек чресла гор’.

(26) *ásvyo vāro abhavas tát indra sr̥ké yát tvā pratyáhan deva ékaḥ*

*ájayo gā ájayaḥ sūra sómam ávāsr̥jaḥ sártave saptá síndhūn* (RV I 32:12)

‘Ты стал конским волосом, когда единый бог ударил тебя по зубу. Ты победил корову, герой, сому, выпустил для бега семь потоков’.

В этом контексте имеются четыре имперфекта со значением законченного события: *abhavas* ‘ты стал’, *prayáhan* ‘он ударил’, *ájayas* ‘ты победил’, *ávaāsr̥jas* ‘ты выпустил’.

(27) *yáḥ pr̥thivīm vyáthamānām ádr̥mhad yáḥ párvātān prákupitān áramñāt |*

*yó antárikṣam vimamé varīyo yó dyám ástabhnāt śá jánāsa indrah* (RV II 12:2)

‘Кто землю шатающуюся укрепил, кто колеблющиеся горы успокоил, кто далекое пространство, кто небо укрепил – тот, люди, Индра!’.

(28) *árñāmsi cit paprathānā sudāsa indro gādhāny akr̥not supārā |*

*śárdhantam śimyum ucáthasya návyah śāpam síndhūnām akr̥nod ásatīh* (RV VII 18:5)

‘Растекающиеся потоки Индра сотворил для воинов Суды, (превратив их) в легко проходимые броды. Восставшего Щимью обрек он проклятью новейшей песни, его поносительные речи – пене рек’.

(29) *durād indram anayann ā suténa tiró vaiśantām áti pāntam ugrām |*

*pāśadyumnasya vāyatásya sómāt sutād indro ‘vr̥nītā váśiṣṭhān* (RV VII 33:2)

‘Издалека привели они своего Индру с помощью выжатого (Сомы), заполняющего пруд, к мощному питью. Выжатому Соме Пасьядьомны Вайяты предпочел Индра племя Васиштха’.

Как видим, здесь именно имперфектом выражены события, в завершенности которых не приходится сомневаться. Сомнительно, чтобы они представляли здесь как длительные.

Имперфект свойствен так называемым мифологическим гимнам Ригведы, где речь идет о сотворении мира:

(30) *sahásraśr̥ṣā pūruṣaḥ sahasrākṣāḥ sahasrapāt | śá bhūmim vísváto vr̥tvāty atīṣṭhad daśāngulām* (RV X 90:1)

‘Тысячеголовый, тысячеглазый, тысяченогий Пуруша. Он, покрыв землю, поднимал десять пальцев’.

Подобный имперфект можно назвать общефактическим: он обозначает событие без уточнения его характеристик (длительность – недлительность, завершенность – незавершенность).

(31) *kāmas tát ágre sám avartatādhi mánaso rétah prathamam yád ásīd |*

*sató bándhum ásati nír avindan hr̥dī pratīśyā kaváyo manīṣā* (RV X 129:4)

‘В начале возникло любовное влечение, которое было первым семенем мысли. В сердце находили мудрецы с помощью размышления связь сущего с не-сущим’.

Первый имперфект (*sám avartata ádhi*) результиativen, *ásīt* и *nís avindan* – явно общефактические.

Выше мы цитировали стих (29). Гимн 33 из мандалы VII относится к так называемым историческим (как и VII 18), где речь идет о битве Индры с демоном Щушной; по мнению исследователей, это память о войне, которую вели в Индостане пришельцы-арии. Подобно мифологическим гимнам, в них преобладают имперфекты. Но характерно, что некоторые особо важные события выражены аористом. Он может обозначать начало нового периода:

(32) *ima u tva paspr̥dhanaso átra mandra gíro devayántir úpa sthuḥ*

*arvaci te pathya rayá etu syāma te sumatav indra sárman* (RV VII 18:3)

‘Эти восхваляющие, стремящиеся к богу песнопения, соперничая, к тебе приблизились’<sup>6</sup>.

Да придет к нам тропа твоего богатства! Да окажемся мы, о Индра, в убежище твоего благорасположения!’

Аорист события, близкого к настоящему:

(33) *ékaṃ ca yó vimśatīm ca śravasyā vaikarnáyor jánan rá jā ny ástah*

*dasmó ná sádman ní śísāti barhīḥ sūrāh sárgam akr̥nod indra eṣām* (RV VII 18:11)

‘Двадцать одного человека из обеих семей потомков Викарны царь от жажды славы уничтожил. Как знающий вещи на жертвенном месте уничтожает он их. Герой Индра сотворил этот поток’.

Выраженное аористом *ástar* действие находит продолжение в близком по значению презенсе *śísāti*, тогда как имперфект *akr̥not* не так актуален в настоящее время.

Основное значение имперфекта – общефактическое действие, аориста – актуальное действие. Используя терминологию Г. Райхенбаха, можно сказать, что в аористе особо выражена точка референции. Таким образом, ведийский глагол демонстрирует этап развития аспектуальной системы, когда она переходит в темпоральную [2], [3], [11], [14]. Об этом шла речь в наших предыдущих работах.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Инъюнктив – особая морфологическая категория ведического языка, почти исчезнувшая в эпическом и классическом санскрите: глагольная форма с вторичными окончаниями, без аугмента: *bhárati* ‘он несет’ (презенс) – *ábharat* ‘он нес’ (имперфект) – *bhárat* ‘он несет / нес / нес бы’ (инъюнктив). Он образуется также от аориста и плюсквамперфекта путем отсечения аугмента: *áricat* ‘он оставил’ – *ricát*. Инъюнктив может употребляться в модальном значении, особенно часто с запретительной частицей *mā* (*mā bhet* ‘пусть не ударит’; в такой конструкции инъюнктив сохранился в позднейшем языке) и в значении прошедшего времени [7].

<sup>2</sup> Delbrück В. Altindische Tempuslehre. Halle, 1876; Delbrück В. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1897.

<sup>3</sup> RV – Ригведа. Текст цитируется по изданию: Rig Veda: A metrically restored text / Ed. В. А. van Nooten and G. В. Holland. Cambridge MA, 1994 (Harvard Oriental series, v. 50). Перевод сверен по: Geldner К. Der Rig-Veda: Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Cambridge (MA), 1951–1955. Bd. I–IV (Harvard Oriental studies. v. 33–36) и по словарю: Grassmann Н. Das Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1936.

<sup>4</sup> Rápi, мн. ч. rápaуaḥ – демоны, скрывающие сокровища от богов.

<sup>5</sup> В конце своей монографии К. Хофман определяет это значение точно: инъюнктив передает воспоминание (Erwáhnung) о событии [7: 279]. Эта вполне неопределенная семантика, соответствующая неопределенности его морфологии, преобразуется в различные времена и модусы – по контексту.

<sup>6</sup> Гельднер переводит ‘sich nahen’, то есть презенсом.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елизаренкова Т. Я. Аорист в «Ригведе». М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 152 с.
2. Красухин К. Г. Движение на оси времени и глагольное время // Вопросы филологии, 2000. № 4. С. 13–17.
3. Красухин К. Г. Аспекты и времена праиндоевропейского глагола: Часть I // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 3–30.
4. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.
5. Dahl E. Time, tense, aspect in Early Vedic grammar: A non-relational approach to the morphosyntax-semantics interface. Oslo, 2008. 460 p.
6. Gonda J. The aspectual functions of the Rgvedic present and aorist. s’Gravenhage, 1962. 286 p.
7. Hoffmann К. Der Injunktiv in Veda. Heidelberg, 1967. 298 S.
8. Hollenbaugh I. Tense and aspect in Indo-European: A usage-based approach to the verbal systems of the Rigveda and Homer: Dissertation. Los Angeles, 2021. 307 p.
9. Kiparsky P. Tense and modes in Indo-European syntax // Foundations of Language. 1968. Vol. 4, No 1. P. 30–57.

10. Kiparsky P. Aspect and event structure in Vedic // *The Yearbook of South Asia languages and linguistics*. 1998. P. 29–61.
11. Krasuchin K. Universaltendenzen in der Entwicklung des Aspekt-Tempus-Systems (Aspekt und Zeitdauer) // *Indogermanistik und Linguistik: Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft in Salzburg*. Wiesbaden: Ludwig Reichelt Verlag, 2011. S. 289–300.
12. Narten J. Die sigmatische Aoriste in Veda. Wiesbaden, 1963. 311 S.
13. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. London, 1947. 444 p.
14. Weinrich H. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964. 358 S.

*Поступила в редакцию 19.06.2024; принята к публикации 02.12.2024*

Original article

**Konstantin G. Krasukhin**, Dr. Sc. (Philology), Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)  
ORCID 0009-0008-1955-4712; krasukh@mail.ru

### NOTES ON THE MEANING OF PRESENT AND AORIST STEMS IN THE RIG VEDA

**Abstract.** The paper examines the system of aspects and tenses in the Rig Veda, focusing particularly on the stems of the present (both imperfect and injunctive) and the aorist. A complex issue arises in defining their meanings and functions. The concept of confined versus unconfined action does not always adequately capture the present-aorist opposition, as present forms can sometimes refer to events that were completed in the past. The author introduces the category of “point of reference”, as articulated by Hans Reichenbach, to clarify this distinction. The aorist tense stands out from other tenses by emphasizing this reference point. Overall, the Vedic verb captures the stage of the evolution of the aspectual system into a temporal one: the imperfect denotes events from a distant mythological past (which may be completed), while the aorist refers to more recent events or those that precede others. In this sense, the Vedic verb shares similarities with tense forms in European languages, as described by Harald Weinrich, where a contrast is drawn between foreground tenses (French passé simple) and background tenses (French imparfait). This comparison aids in understanding the development of aspect and time categories across different world languages.

**Keywords:** morphology, verb, aspect, tense, Rig Veda

**For citation:** Krasukhin, K. G. Notes on the meaning of present and aorist stems in the Rig Veda. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1129

### REFERENCES

1. Elizarenkova, T. Ya. Aorist in the Rig Veda. Moscow, 1960. 152 p. (In Russ.)
2. Krasukhin, K. G. Movement on the axis of time and verb tense. *Questions of Philology*, 2000;4:13–17. (In Russ.)
3. Krasukhin, K. G. Aspects and tenses of the Proto-Indo-European verb: Part I. *Topics in the Study of Language*. 2005;6:3–30. (In Russ.)
4. Stepanov, Yu. S. Indo-European sentence. Moscow, 1989. (In Russ.)
5. Dahl, E. Time, tense, aspect in Early Vedic grammar: A non-relational approach to the morphosyntax-semantics interface. Oslo, 2008. 460 p.
6. Gonda, J. The aspectual functions of the Rgvedic present and aorist. s'Gravenhage, 1962. 286 p.
7. Hoffmann, K. Der Injunktiv in Veda. Heidelberg, 1967. 298 S.
8. Hollenbaugh, I. Tense and aspect in Indo-European: A usage-based approach to the verbal systems of the *Rigveda* and Homer: Dissertation. Los Angeles, 2021. 307 p.
9. Kiparsky, P. Tense and modes in Indo-European syntax. *Foundations of Language*. 1968;4(1):30–57.
10. Kiparsky, P. Aspect and event structure in Vedic. *The Yearbook of South Asia languages and linguistics*. 1998. P. 29–61.
11. Krasuchin, K. Universaltendenzen in der Entwicklung des Aspekt-Tempus-Systems (Aspekt und Zeitdauer). *Indogermanistik und Linguistik: Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft in Salzburg*. Wiesbaden, 2011. S. 289–300.
12. Narten, J. Die sigmatische Aoriste in Veda. Wiesbaden, 1963. 311 S.
13. Reichenbach, H. Elements of symbolic logic. London, 1947. 444 p.
14. Weinrich, H. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964. 358 S.

*Received: 19 June 2024; accepted: 2 December 2024*